

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

ОБ УФИМСКОМ
РАЗБОЙНИКЕ,
ЛАВОЧНИКЕ
БУЛАКУЛИНЕ

Ярослав Гашек
**Об уфимском разбойнике,
лавочнике Булакулине**

Аннотация

«Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он...»

Ярослав Гашек

Об уфимском разбойнике, лавочнике Булакулине

Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он.

На базаре платишь за пуд картофеля шесть рублей, а у него за фунт – один рубль пятьдесят копеек. Смотришь с ужасом на картофель и думаешь, что вот-вот он скажет своей жене насчет тебя: «Гляди-ка на мерзавца, точно сгорает страстью к картошке».

В своей лавке он является деспотом. Покупатель в его глазах дрянь, а он, смотря на испуганную бакалейную публику, говорит: «Тяжело мне возиться с этой сволочью».

А вечером, считая кассу, все эти драные марки, рублевки, пятерки, купоны и грязные керенки, которые обобрал он с рабочего народа, вздыхает: «Ах ты, работа моя неблагодарная», – и лицо у него в это время убийцы, идиота, не понимающего своего преступления.

Но в лавке его капризам нет конца.

– Не до гляденья тут, коли купить не хочешь, – говорит он старушке, которая не может встать с места, потому что он

ей сказал, что фунт постного конопляного масла стоит сорок рублей. – Зачем стонешь, родить, что ли, собираешься?

– Да разве вы не слышали, – обращается он к публике, – что теперь в Москве фунт стоит сто рублей?

Все знают, что толстый разбойник врет, но их участь в его руках.

Ошеломленные, они ждут, а что же скажет он дальше.

Старушка собирается прийти в чувство.

– Берите по сорок рублей фунт конопляное масло, – слышен тихий голос кровопийцы, – а то завтра будет по сорок восемь рублей.

– Это спекуляция, – сказал кто-то.

– Не мурлыкай, братец мой. Какая тут спекуляция? Морозы страшные, каких Уфа еще не видала, гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт заплатишь. Наше дело купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе товар.

– Тридцать рублей даю за фунт, – говорит кто-то из публики несмелым голосом, как бы опасаясь, что за это слово поведут его на плаху.

– Издевайся, – отвечает лавочник Булакулин, – тридцать рублей за фунт конопляного масла! Уничтожить меня хочешь, сделать нищим, что ли? Хочешь, чтобы я утопился? Ведь у меня, чать, ребятишки есть!

Лицо лавочника становится утомленным, безнадежным.

Бакалейная публика понимает, что все пропало, и поку-

пает фунт конопляного масла за сорок рублей.

– Почем колбаса? – спрашивает новый покупатель.

Лавочник долго молчит и чешет затылок. Неделю тому назад колбаса продавалась по три рубля фунт. В среду – двенадцать рублей, в субботу – шестнадцать рублей, а сегодня, в понедельник...

Вопрос тяжелый.

– Это самая хорошая колбаса, – рекомендует он смесь лошадиного мяса с мукой, – это настоящая краковская, цена двадцать два рубля за фунт.

Лавочник Булакулин опять слышит слово «спекуляция» и обиженным тоном твердо заявляет:

– Говорить и рассуждать вам нечего, вы посмотрите в Уфе, как в других бакалейных лавках. Разве мне ради вас обанкрутиться, что ли?

...В полном восторге бывал лавочник Булакулин, когда кто-нибудь спрашивал его, нет ли спичек.

Первый ответ его был самый неутешительный.

– Можете из меня щепы нащепать, а спичек не найдете. Не стоит продавать, цена очень высокая. Я сам покупал десяток за сто двадцать рублей.

В амбаре у него были спрятаны два ящика еще от того времени, когда коробка стоила копейку.

– Если хотите, я вам могу отпустить, – продолжает дальше кровопийца, – коробку за двенадцать рублей.

– Не хочу, не надо.

Лавочник Булакулин потрясает кулаком.

– Какой неблагодарный народ, харя.

Испуганный уфимский обыватель машинально вынимает из кармана двенадцать рублей, берет коробку спичек и шепчет:

– Простите меня, окаянного, больше не буду дразнить, – и выбегает из бакалейной лавки с убеждением, что случайно спас себе жизнь.

Никогда в жизни мне не было страшно, только один раз. Это было в лавке Булакулина.

При воспоминании об этом случае еще сегодня у меня бегают мурашки по телу.

Я пришел в этот страшный день спросить в бакалейной лавке Булакулина, сколько стоит холодная котлета, которую я видел среди сыра и колбасы.

– Двадцать рублей, – сказал Булакулин таким страшным голосом, от которого у меня зашевелились волосы на голове.

В этом голосе было все: и «руки вверх» и удар обухом, топором.

Далее ничего не помню. Лежу в лазарете, и врачи говорят, что у меня воспаление мозга.

...Вчера я спросил санитаря, что случилось с лавочником Булакулиным.

Говорят, что его за спекуляцию расстреляли и что он упорно молчал и только перед смертью, когда он уже стоял у стенки, спросил себя: «А может быть, я очень дешево продал

колбасу? Может быть, спрятав ее, я бы нажил на две тысячи рублей больше?..»